

Лев ЛУРЬЕ
Софья ЛУРЬЕ

ЛЕНИНГРАД ДОВАТОВА

исторический
путеводитель

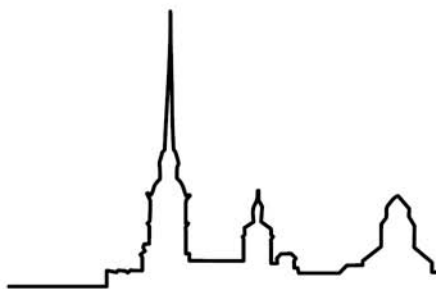

Лев ЛУРЬЕ
Софья ЛУРЬЕ

ЛЕНИНГРАД ДОВАТОВА

3-е издание

исторический
путеводитель

Санкт-Петербург
«БХВ-Петербург», 2017

УДК 379.8(036)

ББК 26.89

Л86

Лурье, Л. Я.

Л86 Ленинград Довлатова. Исторический путеводитель /
Л. Я. Лурье, С. Л. Лурье. — 3-е изд., испр. и доп. —
СПб.: БХВ-Петербург, 2017. — 208 с.: ил.

ISBN 978-5-9775-3859-6

Эта книга — путеводитель по Ленинграду, каким он был в 1944–1978 годах, когда здесь гулял с няней, ходил в школу, учился в университете, влюблялся, женился, писал рассказы и пытался напечататься Сергей Довлатов, самый популярный русский прозаик второй половины XX века. Три маршрута проведут читателей по памятным местам, познакомят с городским ландшафтом позднего Ленинграда и историческим контекстом. Третье издание дополнено рассказами о том, что в эти годы происходило в важнейших культурных институциях — в городских театрах, на Ленинградской киностудии и в Пушкинском доме.

Для широкого круга читателей

УДК 379.8(036)

ББК 26.89

Группа подготовки издания:

Главный редактор	<i>Екатерина Кондукова</i>
Зав. редакцией	<i>Екатерина Капалыгина</i>
Редактор	<i>Екатерина Трубей</i>
Компьютерная верстка	<i>Людмилы Гауль</i>
Корректор	<i>Зинаида Дмитриева</i>
Дизайн обложки	<i>Марины Дамбиевой</i>

Подписано в печать 30.06.17.

Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,92.

Тираж 2000 экз. Заказ №

«БХВ-Петербург», 191036, Санкт-Петербург, Гончарная ул., 20.

Первая Академическая типография «Наука»

199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., 12/28

ISBN 978-5-9775-3859-6

9 785977 153859 6

ISBN 978-5-9775-3859-6

© Лурье Л. Я., 2017

© Лурье С. Л., 2017

© ООО «БХВ-Петербург», 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Маршрут 1	
Вокруг улицы Рубинштейна	8
Маршрут 2	
С Васильевского на Невский	52
Маршрут 3	
Поколение	138
Хронология	200

Памятник, установленный к 75-летию Сергея Довлатова рядом с его домом на ул. Рубинштейна. Архитектор — Вячеслав Бухаев.
Фото Кирилла Сергеева

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сергей Донатович Довлатов, как показывают опросы читателей, — самый популярный в родном городе писатель второй половины XX века.

Он жил и работал на одной и той же улице Рубинштейна, с небольшими перерывами, 34 года — с 1944 по 1978 год. Герои Довлатова глубоко погружены в городской социум во всем его разнообразии. Для большинства читателей Довлатова, которые годятся ему в сыновья, а то и во внуки, реалии социалистического Ленинграда туманнее, чем жизнь современного Хельсинки. Ленинград 1940–1970-х годов, словами Бориса Пастернака, «отдаленней, чем Пушкин, и видится словно во сне». Постсоветский Петербург очень мало напоминает тот «город великого Ленина» — разве что дома сохранились. Наша задача — ввести читателя в этот малознакомый ему ландшафт.

1960–1970-е годы, на которые пришлось начало творчества Довлатова-прозаика, — время противоречивое, тяжелое и бедное. Его товарищи по цеху и друзья ютились в комнатах коммунальных квартир, перебивались от полочки до полочки, стояли в длинных очередях за самым необходимым. Им не давали печататься, выставляя свои картины, запрещали их спектакли, «клали на полку» уже законченные фильмы. В то же время на эту эпоху пришелся небывалый расцвет ленинградской культуры — и официальной, и неофициальной.

В возникшей тогда удивительно питательной среде много имен, которые почти наверняка мало что скажут современному читателю. Между тем писатели, которых условно можно

определить как «круг Бродского», включая и Довлатова, — одно из самых сильных поколений в истории русской литературы. В каком-то смысле, Нобелевская премия Иосифа Бродского, как и поистине народная любовь к прозе Сергея Довлатова, — знак признания всего поколения их сверстников и сотоварищей. Гении, как известно, ходят стайками.

Отчасти благодаря текстам самого писателя, отчасти благодаря многочисленным воспоминаниям о Довлатове самых разных и не всегда близко знавших его людей, а также и под влиянием замечательных иллюстраций Александра Флоренского к популярнейшему трехтомнику довлатовской прозы, выпущенному в 1993 году издательством «Лимбус-пресс», иногда складывается впечатление, что Довлатов — это некий первый «митек», гуляка праздный. Такой взгляд в корне неверен: Сергей Довлатов — один из самых целеустремленных, трудолюбивых и организованных писателей своего поколения. На его месте после стольких творческих и житейских неудач большинство бы бросило занятия литературой, тем более, что Довлатов обладал массой способностей, каждую из которых легко мог бы реализовать. Весь «советский» период Довлатова кажется каким-то сизифовым трудом: каждый раз, когда что-то начинает получаться, следует скандал, кризис, донос. К тридцати семи годам — роковому для русской литературы возрасту — на родине не было напечатано ни одного по-настоящему важного для него сочинения.

Довлатов любил в жизни, в общем-то, только писательство, понимаемое широко — как работу над текстом и как предшествующие ей устные рассказы. Человек он был честолюбивый и щепетильный, поэтому неудачи переживал как трагедии. Очередной крах надежд на публикацию вызывал приступ тоски, выходом из которой становились дружеские попойки. Это знак времени: вспомним биографии Владимира Высоцкого, Венедикта Ерофеева, Олега Даля. Ничего обаятельного в пьянстве сам Довлатов не видел.

Наша книга — путеводитель по времени и месту: Ленинграду 1944–1978 годов. Это аннотированный перечень адресов, где Довлатов жил, квартир его друзей, учебных заведений, в которых он учился, учреждений, где работал. Мы постарались коротко рассказать и о городской инфраструктуре того времени — магазинах, кинотеатрах, ресторанах, рюмочных, книжных лавках, о том, что в эти годы происходило в важнейших культурных институциях — в городских театрах, на Ленинградской киностудии и в Пушкинском доме. Другой тип новелл — главные явления, политические и эстетические обстоятельства ленинградского периода жизни Сергея Донатовича.

Книга состоит из трех глав — маршрутов. Первая глава — район улицы Рубинштейна, где жил сам Довлатов, его родственники и многочисленные приятели. Эта глава сопровождается заметками о позднем сталинском времени, на которое пришлось детство Сергея Донатовича. Вторая глава — маршрут от университета до дома и время хрущевской «оттепели». Третья охватывает разные адреса, связанные с послеармейским периодом жизни Довлатова, когда он становится профессиональным журналистом и литератором. Последняя глава также описывает Ленинград эпохи брежневского «застоя» (1965–1972, 1975–1978).

Эта книга не могла бы быть написана в такие короткие сроки, если бы не воспоминания, которыми с нами поделились Елена Довлатова, Андрей Арьев, Яков Гордин, Михаил Рогинский, Ася Пекуровская, Стефан Шурко, Всеволод Грач, Евгений Кушкин, Вячеслав Бухаев, Эра Коробова, Вера Сомина.

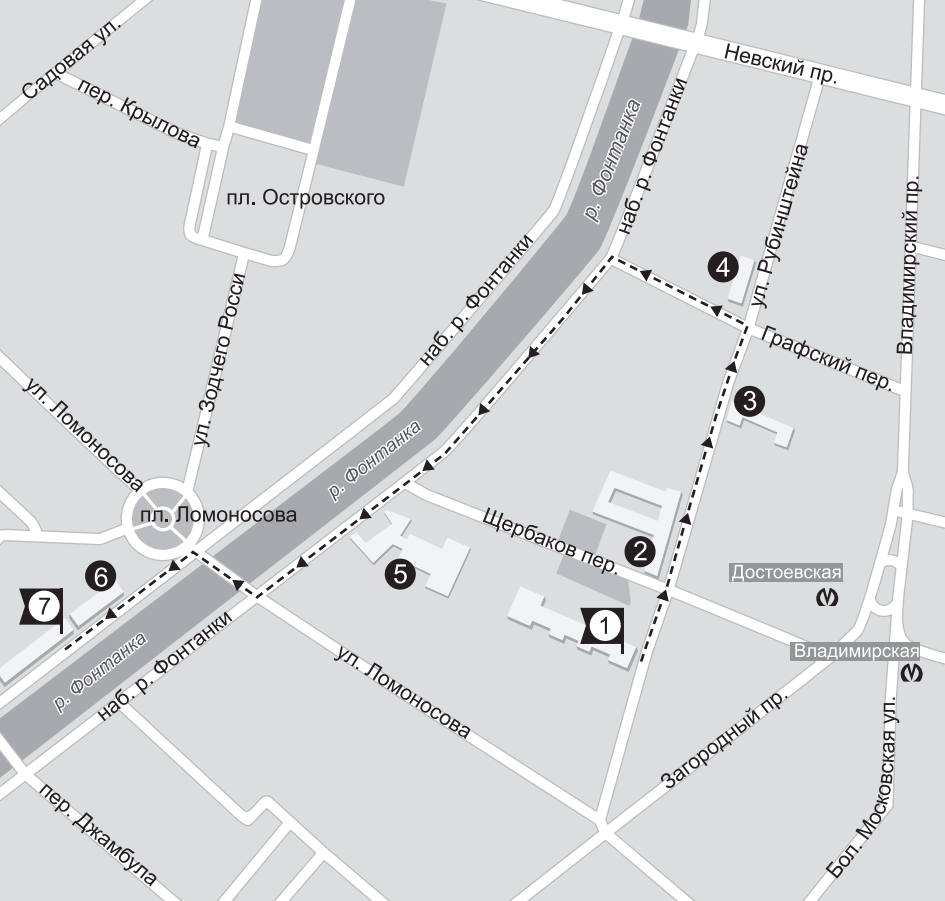

МАРШРУТ 1

Пять углов. Район ул. Рубинштейна
Фото Кирилла Сергеева

ВОКРУГ УЛИЦЫ РУБИНШТЕЙНА

- 1 — Дом, где Сергей Довлатов прожил большую часть жизни.
Ул. Рубинштейна, 23, коммунальная квартира 34.
- 2 — Квартира Евгения Рейна. Ул. Рубинштейна, 19.
- 3 — Квартира Довлатовых. Ул. Рубинштейна, 22, квартира 29.
- 4 — «Слеза социализма». Ул. Рубинштейна, 7.
- 5 — Школа № 206. Наб. реки Фонтанки, 62.
- 6 — Типография им. В. Володарского. Наб. реки Фонтанки, 57.
- 7 — «Лениздат». Наб. реки Фонтанки, 59.

РАЙОН УЛИЦЫ РУБИНШТЕЙНА

В наши дни улица Рубинштейна — одна из самых веселых и оживленных в центре Петербурга. Это наша барная миля: стрит-фуд, крафтовое пиво и рестораны паназиатской кухни, нарядная молодежь, памятник Довлатову, по ночам от Пяти углов до Невского стоит пробка такси.

До 1929 года улица Рубинштейна называлась Троицкой. Когда-то она была хозяйственным проездом, идущим вдоль непарадной части вельможных усадеб на Фонтанке. Исторически это первая коммуникация между Невским и Загородным проспектами (Владимирский трассировали на двадцать лет позже). Вплоть до 1860-х годов вся местность вокруг нынешней станции метро «Достоевская» напоминала скорее теперешнюю Вырицу, чем Петербург. Двух- и трехэтажные каменные дома казались небоскребами среди преобладающей деревянной застройки. Какие-то огороды, пасутся козы, лает Жучка. Жили здесь, по преимуществу, люди, связанные с главной торговой артерией Петербурга, Большой Садовой улицей, представители малого бизнеса и работавшие у них тогдашние гастарбайтеры, в основном уроженцы Ярославской губернии.

Нынешнюю застройку улицы определил катастрофический пожар 22 мая 1862 года. Это случилось в Духов день, когда проходил традиционный смотр купеческих невест в Летнем саду. Все купечество теснилось вдоль главной аллеи сада, наблюдая дефиле из мамаш и девиц, проходящих через шеренги зрителей. Вдруг в пять часов вечера пронесся слух: горит Апраксин двор. Извозчики немедленно вздули цены, так что довольно тучным купцам приходилось либо платить какие-то неслыханные деньги «ванькам», либо, пыхтя и задыхаясь, бежать по Большой Садовой. Действительность превзошла все худшие ожидания: Апраксин двор уже сгорел. Дул сильный западный ветер, поэтому огонь перекинулся через Фонтанку. К девяти вечера сгорело все до Загородного

проспекта. Ходили слухи, что катастрофа — дело рук радикально настроенных студентов-социалистов. Последовали репрессии: на восемь месяцев были закрыты журналы «Современник» и «Русское слово», арестованы властители дум либеральной молодежи Дмитрий Писарев и Николай Чернышевский, а также один из создателей «Земли и воли» Николай Серно-Соловьевич. Как бы то ни было, благодаря майскому пожару в двух шагах от Невского образовалась пустошь, исключительно привлекательная для девелопмента.

Почти все кварталы, прилегающие к улице Рубинштейна и теневой стороне Невского, построены в одно и то же время, в 1860–1870-е годы, когда на престоле находился

Троицкая улица. 1909 год

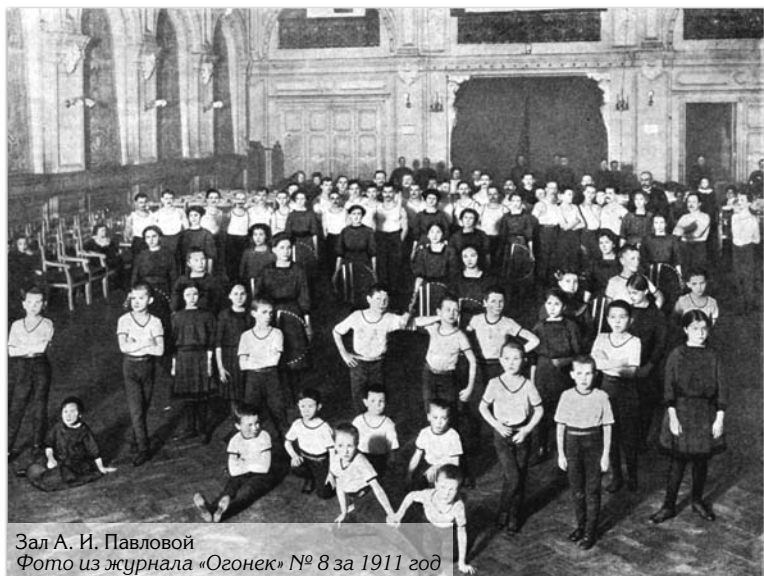
император Александр II. Тогдашняя архитектура отличалась исключительным безобразием. Это и есть Петербург Достоевского: строилась каменная пяти- или шестиэтажная коробка с максимальным количеством окон (их число пропорционально квартплате, получаемой домовладельцами с жильцов). С фасадом архитектор поступал, как провинциальная красавица с макияжем: чем гуще, тем лучше. Только вместо румян и белил он накладывал штукатурный узор, почерпнутый по преимуществу из немецких альбомов по зодчеству.

Кварталы Троицкой (ныне — Рубинштейна) никогда не были аванажными. Основное население по-прежнему составляли купцы и приказчики рынков Садовой улицы, татары-халатники, мелкий чиновный люд. Здесь Чернышевский писал «Что делать?», Достоевский — «Братьев Карамазовых», а Гаршин бросился в пролет лестницы. Множество приезжих, дешевые гостиницы и меблированные комнаты, по вечерам — толпы праздных гуляк в поисках сомнительных развлечений. Никаких важных для города магазинов, только ремесленные заведения, ломбарды, трактиры. Особенно значным и забубенным считался угол Троицкой и Щербакова переулка, где находился трактир Н. Бугрова — там пьяницы валялись на тротуарах и приличным дамам ходить было небезопасно. На углу с Невским проспектом помещался ресторан «Квисисана» (в переводе с итальянского: здесь поправляются) — грязный притон, открытый ночь напролет и заполненный дамами сомнительного поведения и их клиентами-гуляками.

Тем не менее купцы стремились, чтобы их дети вышли в люди. Весь участок от Фонтанки до Рубинштейна, на котором сейчас находится дом № 23, принадлежал Петербургскому купеческому обществу и к началу XX века его занимали два сооружения, теснейшим образом связанные с Сергеем Донатовичем и его окружением: дом, где он жил, и школа, где он учился, в то время — Петровское коммерческое училище. По соседству, в Чернышёвом переулке (ныне — ул. Ломоносова) в 1870-х возникло Императорское коммерческое

училище, будущий Холодильный институт (Ленинградский технологический институт холодильной промышленности), который после исключения из Технологического института окончил Евгений Рейн.

В начале XX века улица оживляется. Все же центр города. В доме № 18, на месте фабрики серебряных и бронзовых изделий Верховцева, появляется Троицкий театр миниатюр (нынешний Малый драматический театр): развлекательное заведение с разнообразным ангажементом в духе современной stand-up comedy и буфетом, привлекавшим не меньше внимание зрителей. Чуть более фешенебельным был зал А. И. Павловой на Троицкой, 13 (будущий рок-клуб и театр «Зазеркалье»). Зал Павловой сдавался под самые разные торжества — от какого-нибудь благотворительного вечера Угличского землячества до «Балета-карнавала» с Нижинским и Карсавиной в главных ролях.

Зал А. И. Павловой
Фото из журнала «Огонек» № 8 за 1911 год

И в эти же годы в царство эклектики начинает вторгаться модерн. Модный Александр фон Гоген, строитель особняка Кшесинской, возводит для знаменитого коллекционера Левкия Жевержеева доходный дом с башенкой на углу Графского переулка и Троицкой (18/3). Другой хедлайнер тогдашней архитектуры Федор Лидваль строит знаменитый Толстовский дом на участке между Троицкой и Фонтанкой. На углу с Загородным возникает формообразующий для Пяти углов доходный дом Шпеера-Зальмана Иоффа. Архитектор Александр Лишнецкий спроектировал сооружение с нависающей над перекрестком улиц Ломоносова (Чернышёва переулка), Разъезжей, Загородного и Рубинштейна (Троицкой) башней и множеством встроенных торговых помещений. В этой части Троицкой располагались роскошные магазины: здесь находился автомобильный салон Шапиро, торговали мехами, шляпами, обувью, корсетами, дорожными вещами, вином, нотами и фруктами, и к тому же имелся кинематограф на триста зрителей. В одной из шести квартир жил сам архитектор Александр Лишнецкий. Ну, и наконец, в 1911 году гражданский инженер Александр Барышников возводит жилой дом Петербургской купеческой управы с огромным курдонером (парадным двором), где в квартире № 34 с 1944 по 1975 год будет жить Сергей Довлатов.

Надо сказать, в советское время репутация улицы не улучшилась. Предпринимались попытки осовременить ее образ. В 1929 году она была переименована

Доходный дом Иоффа у Пяти углов.
1930-е

в честь Антона Рубинштейна: без особого смысла, просто чтобы насолить церковникам. Любимец царей, выкрест, композитор Антон Рубинштейн четыре года прожил по адресу: Троицкая улица, 38.

Сразу после войны на месте зрительного зала А. И. Павловой появляется Межсоюзный дом самодеятельного творчества. В 1956 году в помещение Троицкого театра миниатюр вселяется Малый драматический театр. В 1955 году на доме № 38 появилась мемориальная доска с несколько абсурдистским текстом: «В этом доме с 1887 г. по 1891 г. жил композитор и пианист, основатель Ленинградской консерватории Антон Григорьевич Рубинштейн».

На обитателей улицы Рубинштейна действовал пьянящий и не вполне здоровый воздух Невского проспекта с его магазинами, кинотеатрами, модницами, городскими сумасшедшими, ворами-карманниками и командировочными, приезжающими на Московский вокзал. С другого конца улицы простирались коммунальные трущобы Свечного переулка

Малый драматический театр. 1950-е.
Фото из справочника «Театральный Ленинград». 1960 год

и Разъезжей, которые вели прямо к главному криминальному месту Ленинграда, Лиговке (Лиговскому проспекту). Никаких значимых магазинов, заведений питания и других институций общественного значения в квартале не было. Впрочем, аккурат в доме № 23, там, где сейчас процветает бар «Цветочки», работал гастроном, где семья Довлатовых покупала готовые котлеты и молочные продукты. Затем магазин перепрофилировался под виноторговлю. В том же доме справа от входа во двор находился пункт приема стеклотары — важная городская примета эпохи застоя. В целом улица выглядела мрачно, пустынно, народ всегда толпился только вокруг главного в центре Ленинграда пункта скупки золота, расположенного на углу с Графским переулком. За золото на черном рынке давали цену больше государственной, и хотя спекуляция считалась тяжелым уголовным преступлением, желающих принять участие в этом опасном бизнесе было предостаточно. Часть «жучков»-валютчиков набрасывалась на продавцов до того, как они успевали занять место в очереди на скупку, и пыталась перекупить их товар. В скупке драгоценности принимали по цене лома, пропорционально количеству золота. Между тем среди клиентов попадались обладатели чудом сохранившихся с дореволюционного времени вещей императорских ювелиров Болина, Фаберже, Хлебникова. Конечно, часть криминальных скупщиков были по совместительству агентами уголовного розыска.

В конце 1950-х формообразующими для улицы Рубинштейна становятся две торговые точки: модное кафе-автомат на углу с Невским, на месте дореволюционной булочной Филиппова, а также открытый напротив, на месте бывшего ресторана «Квисисана», лучший в городе специализированный магазин «Рыба», где в витринах-аквариумах плавали огромные живые карпы. Здесь же в 1950–1960-е свободно и по нестрашной цене продавали черную и красную икру из аккуратных бочонков. Из-за этого магазина Довлатов ласково называл родной квартал «улицей Рыбинштейна».

«Как известно, все меняется. Помню, работал я в молодости учеником камнереза (Комбинат ДПИ). И старшие работяги мне говорили:

– Сбегай за водкой. Купи бутылок шесть. Останется мелочь – возьми чего-то на закуску. Может, копченой трески. Или еще какого-нибудь говна.

Проходит лет десять. Иду я по улице. Вижу – очередь. Причем от угла Невского и Рубинштейна до самой Фонтанки. Спрашиваю – что, мол, дадут?

В ответ раздается:

– Как что? Треску горячего копчения!»

С. Довлатов «Соло на ундервуде»

Улица Рубинштейна была приятна для Сергея Довлатова и его семьи еще и тем, что здесь и в окрестностях жило множество их близких знакомых: потомственный аристократ, пушкинист и знаток Владимира Набокова Вадим Старк с супругой, преподавателем истории литературы в Академии художеств Натальей Телетовой; один из самых известных художников ленинградского андеграунда Евгений Михнов-Войтенко, ученик Николая Акимова, создатель собственного направления в абстрактном экспрессионизме. Он жил в доме № 18, на четвертом этаже, над скупкой золота. Работал в комбинате живописно-оформительского искусства, который занимался интерьерным дизайном государственных учреждений. В частности, Михнов-Войтенко оформил ресторан «Москва» и знаменитый кафетерий при нем росписью со стилизованными малороссийскими петухами.

С мастерской Михнова-Войтенко на улице Рубинштейна, 18, и его соратником художником-абстракционистом Михаилом Кулаковым связана история знакомства Сергея Донатовича с его второй женой Еленой, рассказанная ею в интервью журналу «Огонек»: «Мы познакомились в троллейбусе. Сергей заговорил со мной, мы проехали две остановки, потом некоторое время шли по одной улице. Не доходя

Малого драматического театра распрощались — Сергей пошел домой, а я в гости к одному художнику. В гостях было шумно, у меня разболелась голова, я хотела уйти. Сказала, что иду за сигаретами, хозяин послал со мной художника Мишу Кулакова с наказом привести обратно. Киоск был закрыт, я пошла к другому, пытаюсь оторваться от Миши, но он во исполнение задания схватил меня за рукав. И надо же, чтобы в эту минуту мимо шел Довлатов. Он увидел мою борьбу с Мишей, который был в довольно сложном положении: его жена, чтобы удержать его дома, состригла со всей его одежды пуговицы. Он был завернут в рубашку, в пиджак, в пальто, как капуста, — поэтому одной рукой держал брюки, а другой меня. Вдруг сверху раздался голос: “Мне кажется, барышня не хочет с вами идти”. И ко мне: “Лена, вы знаете этого человека?”» Довлатов освободил девушку от настойчивого спутника и проводил до остановки на Невском. В то время он был увлечен Асей Пекуровой, и его отношения с Еленой начались несколькими годами позже.

В 1970-х через дорогу от Малого драматического театра на Рубинштейна, 9, жили бывший политзаключенный, филолог и поэт Леонид Чертков, близкий приятель Иосифа Бродского и Льва Лосева, и его супруга Татьяна Никольская, один из первых в России специалистов по творчеству «заумников» и Константина Вагинова. На углу Невского и Литейного над магазином «ТЭЖЭ» жил светский человек, профессиональный водолаз и замечательный фотограф Лев Поляков, на Владимирском проспекте — ученица Глеба Семенова, поэтесса и специалист по творчеству А. С. Пушкина Татьяна Галушко.

Из людей, близких Довлатову в краткий период студенчества, по соседству обитали также Евгений Кушкин и Людмила Пазюк. Кушкин, пятикратный чемпион Ленинграда по боксу среди юниоров и победитель первенства среди вузов, учился с Довлатовым на одном курсе, но на французском отделении, и жил на Большой Московской улице, 6, в квартире № 4, где в июне 1862 года (то есть через месяц после упомянутого